

фантазии о «неисчерпаемости запасов», земных, природных, верой во всемогущество науки и техники, которые якобы в состоянии нас спасти, пока экологическая катастрофа не оказалась у порога дома нашего, жизни нашей. Но даже и теперь осознание возможной экологической трагедии «мигрирует» в основном на «верхних этажах мысли», хотя и тут философы все еще продолжают комфортно, неторопливо беседовать в уютных кулуарах, а не на местах трагедий, тогда как сама ситуация требует немедленности самых активных действий уже сейчас (если «уже не вчера»!), осознания опасности каждым человеком без исключения. Поэтому основная задача и философов, и публицистов, и ученых должна заключаться, как это ни звучит странно и непривычно, в том, чтобы реально напугать человеческое сообщество на всех уровнях, ибо только так можно еще стимулировать активные и немедленные действия! Только так можно подать сигнал общей для всех бед! Что же нас останавливает?! С одной стороны, привычка, по которой мы боимся признаться в содеянном, боимся признавать масштабы трагедий, боимся говорить о масштабах продолжающейся антиприродной деятельности, а тем самым и деятельности античеловеческой. Боимся признаться, что многие меры, принимаемые нами, до сих пор неэффективны и призваны только успокоить общественное мнение, что на спасение природы (т. е. на самосохранение) отпускается слишком мало средств... Боимся мира, в котором настало время нового мировоззрения, новой философии, иной активности: человек и природа не противостоят друг другу. Человек — часть природы и составляет с ней неразрывное единство. И ничто искусственное никогда не заменит человеку природного, естественного, а если и заменит, то человек перестанет быть человеком. Именно потому отношение к природе есть прежде всего отношение к самому себе. Утеря нравственности, этики и морали в значительной степени происходит именно от нашего традиционно пренебрежительного, потребительского отношения к миру природы.

Автор рецензируемой книги традиционно делит природу на живую и неживую, и мы понимаем, что все, что составляет наш мир, есть живое взаимодействие. Чему посвящена книга? Истории. Сначала истории взаимодействия человека и мира природы, затем — общества и мира природы... От тесного взаимодействия до противостояния. От неосознанного естественного единства до выращивания в себе образа «коварной и враждебной» природы, которую именно потому и необходимо покорить! И наконец, до понимания трагедийности этой философии, которая внедрялась веками. Мы видим путь от первых по-

пыток регламентации охоты до глобальных мероприятий в масштабах ООН. И все же гнетет что-то невысказанное нами до конца. Что же это? А то, что мы, при всех «ахах» и мероприятиях, еще, увы, далеко не достаточных, обращаем внимание на природу только тогда, когда ее травмы грозят нам, людям. Мы восстановили поголовье соболя не потому, что этот зверек украшал леса, а ради пушнины. Мы возобновляем популяцию зубров не затем, чтобы они снова привольно жили в естественных условиях, независимо от человека, а ради музейной и научной «эстетики». И еще более от глубоко запрятанного чувства гордости за то, что сумели такое огромное и величественное животное подчинить своей воле и, загнав в резервацию, превратить в музейный безобидный экспонат.

Путь, показанный В. К. Рахилиным, долг и одновременно пугающ. Ибо, несмотря на все мероприятия по спасению природы, действия, приводящие к ее гибели, превалируют. Путь, показанный автором, долг, и еще более долг будет путь обратно, к природе, к естественному взаимодействию с нею, к пониманию ее проблем и ее исключительности, к ее самоценности независимо от того, что и как собирается использовать в ней человек. Книга в основном посвящена мероприятиям по охране природы, животного мира, ибо такова была задача автора. И с этой точки зрения весь материал ее как бы показывает, что всего этого сегодня явно недостаточно! В книге есть глава «Международное сотрудничество по охране природы», в которой рассказывается о мероприятиях охранного порядка. Однако лично у меня не возникает такого мажорного аккорда именно потому, что средства информации выливают на нас целые потоки сведений о загрязнении рек, озер, морей и океанов, о пыльных бурях, вызванных неразумными действиями человека, о засолении почв, о пересыхающих морях, о болезнях и гибели людей, вызванных применениями химических веществ, отходами промышленности... Книга «смотрится» лишь на фоне этой сегодняшней реальности. И только в таком «совместном прочтении» ее и каждогодневного информационного материала мы улавливаем заключение, которое само собой рождается у читателя: «Люди, будьте бдительны!» Ибо, несмотря на то что уже сделано и делается, этого далеко не достаточно, чтобы избежать катастрофы! Будьте бдительны, люди!

Научный аппарат книги включает русские, советские и иностранные источники. Всего — 636 (!) названий. Книга насыщена фактическим материалом, который делает ее своего рода справочным, учебным пособием для всех, кто занимается вопросами экологии.

В. К. Кузаков

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) / Под ред. Лихачева Д. С. Л.: Наука, 1987. 493 с.; вып. 2 (вторая половина XIV—XVII в.). Ч. 1. А—К. Л.: Наука, 1988. 516 с.

Различные справочно-библиографические издания, энциклопедии и словари стали сейчас очень популярны. Интерес к ним оправдан — читатели ищут пути доступа к базовым, основополагающим источникам и фактам. Перестройка обнажила одну важную для историка истину: завоевать авторитет истолкователя без глубинной фактологической базы нельзя, а по-настоящему квалифицированный поиск и отбор источников не только требует не меньшего труда и таланта, чем теоретические построения, но и является важнейшим элементом любой методологии создания последних, причем обязательным к исполнению. Ответственно и полно собранный банк данных становится важнейшим условием осуществления любого серьезного исследования. «Словарь книжников и книжности Древней Руси» как раз и демонстрирует нам возможности подобной методологии.

Составители «Словаря» отмечают, что он представляет собой разновидность литературной энциклопедии. Задача его — «по возможности полнее раскрыть репертуар памятников литературы, обращавшихся на Руси в течение семи веков» (с. 3).

В «Словарь» вошли сведения не только о писателях, но и об анонимных произведениях, о циклах произведений, о сборниках устойчивого состава. Переводные памятники, имевшие хождение на Руси в этот период, рассматриваются в нем в одном ряду с оригинальными.

Эту книгу советскому историку науки надо знать всю, а не только тексты, характеризующие естественнонаучные знания и представления наших пращуров. При этом историк науки получит не только добротную библиографическую справку — действительно важнейшую литературу по вопросу, но и определенный историко-культурный заряд.

Авторы-составители обоснованно указывают на специфику литературного наследия XI—XVII вв.: «Окололитературные памятники — письма, итинерарии, хронологические выкладки, равно как компиляции, позднейшие редакции, сборники в значительной степени определяют литературную продукцию XI—XVII вв., и всю ее охватывает понятие „книжность“» (с. 3). И далее ими подчеркивается: «Своеобразны были и представления об авторской собственности. Главной фигурой в литературном процессе был не писатель, а „книжник“, причем этим словом обозначается и автор — создатель собственного творения, и редактор, подвергавший переработке и компилировавший сочинения своих предшественников, и писец-копиист» (с. 4) (из последних в «Словарь» попали лишь те, чья деятельность носила творчески-профессиональный характер).

Одной из главных для историка науки характеристик «Словаря» является положенный в его основу принцип тотальности сбора мате-

риала. Он открывает, таким образом, путь к оценке всей суммы естественнонаучных знаний средневековой Руси. Но не только. Работа над «Словарем» потребовала от авторов решения вопроса о временных границах, т. е. о периодизации истории средневековой русской книжности. Внимание читателей привлечено к следующему положению: «Если определение нижней границы древнерусской литературы не вызывает сомнений, то верхняя граница остается весьма размытой, ибо процесс перехода от средневековой культуры к культуре Нового времени не был единовременным актом, но занял десятилетия, а в некоторых социальных слоях — даже столетия» (с. 4). Отсюда нарушения рубежа — 1700 г., условного конца средневековой литературы. Это существенный сигнал для историка науки, историка знания: анализ истоков русской литературы демонстрирует ее социальную неоднородность, а следовательно, необходимое различение литературы, несущей знание, и литературы «научной» в контексте истории культуры Нового времени.

Авторы подчеркивают, что периодизация древнерусской литературы — исключительно сложная и спорная проблема. Но «Словарь» убедительно показывает, что «книги знаний» нельзя исключить из всего корпуса древнерусской литературы, а посему сложность и спорность этой проблемы переносится в сферу истории русской науки, открывая новые поля исследований.

Сопоставление первых двух книг «Словаря» (двух периодов истории русской книжности) представляет необычайный интерес для историка науки, перед которыми разворачиваются свидетельства подвига народа, созидającego свою культуру. Символическим поэтому кажется то, что «Словарь» открывается статьями об авторе «Слова о полку Игореве» и об «Азбучной молитве», восходящей к IX в. и приписываемой Константину (Кириллу) Философу, с ее крылатой метафорой: «И летит ныне словесенско племя», с ее решимостью продлить традицию записи буквами изустной мудрости, утверждать право «нового народа» создавать историю на своем языке.

Главнейшие памятники XI — первой половины XIV в. раскрывают окружающий славян мир. Это и книги «Хронографов», включая «Александрию Хронографическую» с ее географическими первосведениями, и те книги, которые послужили источниками для естественнонаучных добавлений в «Александрию» («Сказание об Индийском царстве», «Физиолог», «Апокриф о Макарии Римском», полностью не изученная «Златая цепь» и т. п.). Это и апокрифы об Андрее Первозванном, и «Житие и хождение Даниила, Русская земли игумена», и другая агнографическая литература, включая «Пространное житие Константина (Кирилла) Философа» — своеобразную антологию сочинений самого Константина.

Эти сочинения нельзя отнести к естественнонаучным, но они существенно дополняют подлинно научные трактаты, являясь как бы своеобразным пластом аккумулярованных знаний. Диакон и domestik Антониева монастыря в Новгороде Кирик (XII в.) оставил знаме-

нитый математический и астрономический трактат и канонический вопросник. Историки астрономии считают его древнейшим математическим сочинением Руси, а Кирика Новгородца — первым отечественным математиком.

Особое место занимают «Толковая Палая» с описанием реальных и фантастических существ, сотворения человека, со сведениями по его анатомии, грехопадения, с отступлением о природе огня и атмосферы, а также коррелирующие с «Палеей» «Шестодневы». Последние были не просто комментариями к библейскому рассказу о сотворении мира, но «малыми энциклопедиями», содержащими многочисленные сведения о небесных светилах, о животных, о человеке.

Венец описания строения Вселенной — «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Она воспринимается как ключ для понимания русскими книжниками содержания «Шестодневов» «Иоанна экзарха Болгарского» и Василия Великого, Георгия Писиды и Севериана Гевальского, для истолкования «Физиолога», «Пален» и т. д.

Включенные во вторую книгу «Словаря» статьи показывают, как расширился круг авторов книг и текстов, содержащих естественнонаучные сведения, как менялся характер последних.

Перечень «Космографий» дополнился списками и переводами достаточно разнообразных сочинений — от «Географии» Помпония Мелы, на Западе уже распространяемой печатно, до новейших для своего времени атласов Меркатора и Блеу, причем отмечалось преобладание польских и голландских источников. Но для мироощущения книжника этого периода ценнейшим источником оставались описания путешествий, венцом которых было «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Научное и художественное значение «Хождения» было необычно велико. Авторы «Словаря» обращают внимание на такие черты этого сочинения, мимо которых часто проходит историк науки: «Хождение за три моря» — не искусственно стилизованное сочинение, а человеческий документ поразительной художественной силы» (кн. 2, с. 87); оно «пример того стихийного возникновения художественной литературы из деловой письменности, которое характерно для XV в.» (там же).

Были другие «Хождения», более традиционные, — описания путешествий в Святую землю, развивавшие и дополнявшие традицию игумена Даниила (книга Архимандрита Агрефения,

XIV в.), а также агиографическая литература («Житие Трифона Кольского»).

Вместе с тем появились новые книги и новые авторы: писцы, толмачи, переводчики письменных текстов, дополняющие, видоизменяющие или развивающие их, а также книги иностранных путешественников, побывавших в России. В словаре помещены сведения о Владе Игнатове, предполагаемом переводчике письма Максимилиана Трансильвана о путешествии Магеллана и источнике для книг И. Фабра и С. Герберштейна; о Дмитрии Герасимове (Мите Малом), наиболее вероятном переводчике упомянутого письма и источнике для Паоло Джовио, записавшего, в частности, мысль Герасимова о возможности использования Северного морского пути — первое высказывание такого рода; о монахе Кирилло-Белозерского монастыря Ефросине, оставившем шесть сборников энциклопедического содержания.

Сохранились сведения о попытках распространить в России астрологические знания (загадочные взаимоотношения Николая Бюлова и Ф. И. Карпова).

И все это — на фоне появления новых версий «Александрии», «Апокрифа об Адаме и Еве», многочисленных «Азбуковников» — главных источников знаний широких слоев городского и сельского населения.

К перечню подобных книг добавился перевод на славянский язык в середине XIV в. сочинения византийского монаха Филиппа Монотропа «Диоптра, или Душезрительное зеркало». Жанр «зерцал» был новым для русской книжности, но тем не менее получил широкое распространение. Ни одно сочинение — ни переводное, ни оригинальное — не давало столько сведений о человеке, как «Диоптра» (в «Словаре» отмечено, что по объему сведений, касающихся вопросов антропологии, с ней сопоставим только «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского). Самым удивительным было то, что в диалоге Души и Плоти, составляющем содержание «Диоптры», не душа учит плоть, а плоть душу (хотя для XI в. это выглядело, вероятно, менее удивительным, чем для XIX—XX вв.).

Читать «Словарь» интересно, его комментарии самозначимы и насыщены. Не могу сказать, что весь текст «Словаря» — литературный шедевр, но, безусловно, на нем лежит отблеск описываемых сокровищ.

А. Н. Шамин

Ž. Dadić. Ruđer Bošković. Zagreb: 1987.
Ж. Дадич. Руджер Бошкович. Загреб: Изд.
«Школска књига». 1987. 208 с.

Bicentennial commemoration of R. G. Boskovich.
Milano, September 15—18, 1987. Proceedings /
Ed. M. Bossi, Tucci. Milano: 1988, 281 p.
Двухсотлетие со дня смерти Р. И. Бошковича.
Доклады, прочитанные в Милане 15—18 сен-
тября 1987 г. / Под ред. М. Босси, П. Туччи.
Милан: Уникопли, 1988, 281 с.

Начало систематическому изучению жизни и многогранного творческого наследия выдающегося хорватского естествоиспытателя и философа XVIII в. уроженца Дубровника Руджера Иосипа Бошковича (1711—1787) было положено в 80-х годах прошлого века. С 1887 г., когда отмечалось 100-летие со дня смерти мыслителя, в «Трудах» Югославянской академии наук и искусств в Загребе стали появляться биографические и историко-научные исследования о нем. Из года в год вводилась в научный оборот его обширная переписка с виднейшими учеными Европы. Штудии о Бошковиче и его окружении можно найти также в «Ежегоднике Загребского университета», астрономическом альманахе «Bošković», журналах «Dijalektica», «Priroda», «Vasiona» и других изданиях, как югославских, так и зарубежных. В 1950—1957 гг. под редакцией Ж. Марковича вышли два выпуска «Материалов для биографии Бошковича». В 1968—1969 гг. было опубликовано двухтомное, наиболее полное жизнеописание ученого того же Марковича, где приводится исчерпывающая библиография печатных трудов Бошковича — более 100 названий.

Теперь перед нами два, вероятно, самых последних по выходным данным и разных по характеру издания, посвященных жизни и научному наследию Бошковича: щедро иллюстрированная научная биография, принадлежащая перу известного югославского историка науки, и сборник докладов на миланской конференции, еще раз свидетельствующей о неугасимом интересе международной научной общественности к личности дубровчанина.

В книге Дадича три раздела. В первом из них — «Бошкович и его время» — рассматриваются ход и результаты соперничества между претендующими на истину мировоззренческими представлениями эпохи — картезианством, ньютономизмом и все еще упорствующей в своей богоизбранности и защищенной авторитетом церкви философией Аристотеля. Ведь еще до середины XVIII в. злободневным оставался кардинальный вопрос о неподвижности Земли.

Излагая достаточно подробно жизненный путь Бошковича, сызмальства приобщившегося к ренессансным традициям родного Дубровника, воспитанника, а затем и профессора математики иезуитской Римской коллегии, небезосновательно названной Б. Брехтом «исследовательским центром Ватикана», автор показывает, как его герой постепенно отходит от католической ортодоксии. Уже первые его труды, относящиеся к широкому кругу жи-

вотрепещущих проблем тогдашнего естествознания, могут служить образцом драматического противостояния в сознании одного и того же человека, с одной стороны, гелиоцентризма, в истинности чего он все более убеждался, и заскоруждой библейской догмы геостатизма — с другой, от которой в силу своего положения священника он не мог открыто отречься. Он лишился гармонии в своей душе. Чтобы беспрепятственно печатать свои сочинения, подвергавшиеся строжайшей цензуре, Бошкович стремился «совместить» взгляды «новых философов» с наследием перипатетиков, искал компромиссы и альтернативы (мироздание по Тихо Браге), прибегал к уловкам. Автор цитирует выдержки из работ Бошковича разных лет и приходит к выводу, с которым нельзя не согласиться, что хорватский естествоиспытатель предвосхитил концепцию конвенционализма, обычно приписываемую А. Пуанкаре, умершему в 1912 г.

Один из шедевров мировой естественнонаучной мысли — «Теория естественной философии, приведенная к единому закону сил, существующих в природе», — предмет следующего раздела рецензируемой книги. Этот труд первым изданием вышел в 1758 г. в Вене, где Бошкович находился в течение года с дипломатической миссией. Интеллектуальный климат в Австрии времен просвещенного абсолютизма Марии-Терезии был более либеральным, чем в Италии. Тамашские иезуиты с терпимостью и даже одобрением (К. Шерфер) относились к ньютономизму, поэтому публикация «Теории» в австрийской столице прошла безболезненно. Между тем неприятие этого сочинения в Римской коллегии вынудило Бошковича расстаться с *alma mater* и навсегда покинуть Рим.

«Теория» была подготовлена исподволь предыдущими работами Бошковича, особенно диссертациями «О живых силах» (1745 г.), «О свете» (1746 г.) и «О законе непрерывности» (1754 г.). Автор доступно, но без упрощений излагает сущность учения, получившего название динамического атомизма, фокусируя внимание читателя на резонансы и трансформацию умозаключений Бошковича в мышлении физиков XIX—XX вв., таких, как Фарадей, Максвелл, Дж. Томсон, Бор, в связи с чем приводятся слова Гейзенберга, сказанные в 1958 г.: «Его главный труд „Теория естественной философии“ содержит множество идей, которые лишь в современной физике истекших пятидесяти лет достигли наиболее полного выражения и показали, насколько правильными были философские взгляды, которыми руководствовался Бошкович в своих занятиях естествознанием» (с. 127). Однако идеи хорватского естествоиспытателя дали о себе знать и позже, в 70—80-е годы. Ссылаясь на обзорную статью Ф. Риннарда в «American Journal of Physics» за 1974 г., автор пишет, что известная Бошковичева кривая силы (меняющей свой знак и величину в зависимости от расстояния между частицами) как нельзя лучше применима к поведению кварков, притяжение которых возрастает с увеличением расстояния между ними, чем и можно объяснить невозможность разведения кварков.